

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

**В БОЙ ИДУТ
ОДНИ ПАЦАНЫ**

**МОСКВА
2018**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

В оформлении использована иллюстрация
художника *И. Варавина*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 В бой идут одни пацаны / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Спецназ. Офицеры).

ISBN 978-5-04-095734-7

Узбекистан, 1993 год. Курсантам Самаркандского высшего военного училища делается неожиданное предложение: досрочно получить офицерское звание в обмен на согласие служить на таджико-афганской границе. Михаил Левченко и несколько его товарищей принимают предложение, и вскоре им присваивают лейтенантские звания. Совсем еще юных офицеров немедленно отправляют к месту несения службы. По прибытии на границу вчерашние курсанты с удивлением узнают, что будут служить не в российских пограничных войсках, как договаривались, а в армии Таджикистана. «Желторотых» офицеров сразу бросают в бой, в самое пекло. И теперь их главная задача — выжить и оправдать лейтенантские звездочки на погонах...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095734-7

© Тамоников А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

В основе книги лежат реальные события. Они тесно переплетаются с авторским вымыслом. Некоторые фамилии, названия и рельеф местности, а также временные параметры сознательно изменены для облегчения восприятия текста.

Автор не имел ни малейшего намерения принизить чье-либо национальное достоинство.

Автор благодарит участника описанных событий, капитана запаса Михаила Васильевича Левченко за активную помощь в создании книги.

А. Тамоников

ГЛАВА 1

*Самаркандское высшее военное
автомобильное командное училище
имени Верховного Совета Узбекской ССР,
начало февраля 1993 года*

После команды «Разойдись!» строй первого взвода третьей роты рассыпался и курсанты ринулись в казарму. Февраль в этом году выдался теплым, но дождливым. Вот и сегодня, в четверг, с утра лил дождь, заставляющий все перемещения осуществлять бегом. Только что закончился обед и наступило короткое время отдыха. Полчаса до очередного построения на самоподготовку. Не успеешь просохнуть, как опять придется выходить под дождь и бежать до учебного корпуса. Впрочем, небо заметно просветлело, усилился ветер, так что можно было рассчитывать, что тучи, а с ними и надоевший дождь, уйдут к цементному заводу.

Левченко поправил подушку. На соседнюю кровать присел Серега Логинов, с которым Михаил был дружен с первого курса.

— Ты лекцию по эксплуатации записал? — поинтересовался он.

— То, что успел. Сам знаешь, как Курин их читает. Автомат бьет реже, чем говорит майор. На его лекциях, да в такую погоду, только спать.

— Вот и я закемарил. На самоподготовке переписать дашь?

— Какие проблемы? Хоть сейчас возьми конспект да переписывай.

— Успею. Как насчет субботы, подумал?

Левченко хлопнул ладонью по лбу.

— Черт, совсем забыл!.. Но в принципе тут и думать нечего. Нет у меня, Серега, желания идти на эту вечеринку. Да еще неизвестно, отпустит ли ротный в увольнение.

— Насчет увольнения я с Девятовым вопрос решу. Он тебя в список внесет. Взводному по барабану эти бумажки, у ротного тоже нет причин отказать. С учебой и дисциплиной порядок, последний раз в город ходили месяц назад. Так что отпустят. А аппетит, Миша, как говорится, приходит во время еды.

Старший сержант Девятов был замком, то есть заместителем командира взвода старшего лейтенанта Климася. Ротой командовал капитан Обыденный.

— Это смотря какой еды, Серега. От одной приходит, а от другой навсегда пропадает.

— Ты о своих отношениях с Викой? Не загоняйся. Ведь объяснился же с ней! Она умная девочка, в пединституте учится, должна понять.

— В том-то и дело, что должна, но вот не хочет или не может. Мне ее жаль.

— Не знаю, почему у вас не срослось. Девчонка-то хорошая, красивая, умная, не избалованная, домашняя. Влюблена в тебя по уши.

— Но я-то, Серега, не люблю ее, понимаешь? Мог бы, конечно, до выпуска мозги пудрить, а потом свалить потихонечку к месту службы и забыть

обо всем. Так ведь запахло, Серега, выйдет. Лучше уж сейчас и прямо, без обмана.

Логинов расстегнул верхнюю пуговицу ПШ — полушерстяной куртки, которая выдавалась на осенне-зимний период обучения вместе с такими же галифе.

— Конечно, лучше, — заявил он. — Но ты сам говоришь, что Вика не хочет и слышать о разрыве.

— Не хочет.

— Ее действительно жалко. Да и тебя тоже.

— А меня-то с чего?

— Да с того, что таких девчонок, как Вика, еще поискать...

Левченко прервал друга:

— Все, Серега, кончай базар. И без тебя хреново!..

— Ладно, это твои личные дела. Значит, в субботу на вечеринку не поедешь?

— Не знаю. Потом видно будет.

— Ну-ну. Отдыхай, а я пока покурю.

— Иди, травись.

Логинов ушел. До построения оставалось семь минут. Левченко поднялся, поправил кровать, прошел к стенду, на котором висел лист с расписанием занятий. Он посмотрел, какие завтра будут предметы, собрал сумку, оставил для друга конспект по эксплуатации автомобильной техники.

В отсеке появился дневальный по роте.

— Левченко! — крикнул он.

Михаил обернулся:

— Чего надо?

— С контрольно-пропускного пункта позвонили, там тебя снегурочка ждет.

— Какая снегурочка?

— Тебе лучше знать. — Дневальный улыбнулся. — Так что беги, пока она не растаяла.

— Дима, ты можешь нормально сказать, кто меня вызывает?

— Если бы я знал. Помощник дежурного передал, что к тебе приехала девушка.

— Нашла время!.. — пробурчал замкомвзвода, вернувшийся с перекура.

Левченко взглянул на старшего сержанта и спросил:

— Отпускаешь?..

— Да, иди. Может, случилось что. Только, Миша, смотри, чтобы дежурный по училищу, комбат или ротный не застукали. А то вставят по самые помидоры.

— Не в первый раз. Если что, я ушел сам.

— А я на построении не увидел, что у меня не хватает курсанта? Нет уж, ты обратился, я разрешил. Постарайся не задерживаться. С КПП беги прямо на кафедру.

— Постараюсь. — Левченко забрал сумку и вышел из казармы.

Дождь очень кстати действительно прекратился. Только с крыш и деревьев продолжали падать капли.

Левченко обогнул плац и второй учебный корпус со стороны кафе, вышел к контрольно-пропускному пункту и тут вдруг встретился с взводным. В училище старший лейтенант почти всегда заходил через ворота, расположенные у старой сто-

ловой и парка боевых машин. Сегодня же он, как назло, почему-то оказался здесь.

— Опа! А это еще что за явление? Куда спешим, Левченко? — воскликнул старший лейтенант Кли-
мась.

— На КПП.

— Это я понял. В честь какого праздника?

— Девушка ко мне приехала из города.

— Весьма уважительная причина! — заявил взводный и усмехнулся. — А распорядок дня для нас, значит, не существует?

— Виноват. Разрешите вернуться в расположе-
ние?

Взводный был нормальным мужиком. Да и Лев-
ченко не первогодок, без пяти минут офицер.

— У Девятова отпрашивался?

— Так точно!

— Ладно, ступай к своей подружке. Только не-
долго, понял?

— Понял!

— Давай! — заявил Климась и направился к пла-
цу по главной аллее.

Левченко вышел на КПП и увидел Вику, стояв-
шую возле ворот.

Из помещения КПП высунулся помощник де-
журного:

— Вы поаккуратней, генерал с обеда еще не при-
ходил.

— Мы внизу у стоянки посидим.

— Давайте.

В наряде стояла вторая рота третьего батальона.
Парень с четвертого курса, такой же, как Михаил,

особо не беспокоился насчет разноса даже от начальника училища.

Большинство ребят с выпускного курса по воле политиков оказались не в той стране, которой они в свое время присягали на верность. Их перспективы на дальнейшую службу выглядели весьма туманно. Поэтому парни не боялись ничего и никого. Они надеялись, что Россия не оставит их, не бросит на произвол судьбы. Но, к сожалению, времена настали не те. Теперь и в Москве вряд ли знали, что делать с выпускниками училищ, оказавшихся за пределами России. Там думали о другом. А офицеры, курсанты, солдаты? Чем они были лучше штатских, обреченных на отчуждение, на положение иностранца?

Левченко подошел к девушке и спросил:

— Ты зачем приехала, Вика?

— Здравствуй, Миша, — ответила девушка.

— Извини, здравствуй! Так зачем ты приехала?

— Даже не знаю, Миша. Просто не могла остаться дома одна.

— У тебя нет занятий в институте?

— Не смогла пойти.

Левченко вздохнул.

— Вика, что же ты делаешь и с собой, и со мной?

Помощник дежурного вышел на площадку перед КПП:

— Эй, мальчики и девочки, может, вы все-таки свалите вниз?

Левченко взял девушку под руку, провел к обочине дороги, отходящей от КПП, оттуда к скамейкам, расположенным у автостоянки. В выходные

дни здесь разрешалось находиться курсантам и посетителям. В будни тоже, но только вечером, в свободное время.

Впрочем, это ограничение практически не действовало. Конечно, иногда у начальника училища, его заместителей или у старших офицеров штаба, которые проходили мимо, настроение оказывалось плохим. Тогда разгон получали и те курсанты, которые вышли за территорию училища, и личный состав наряда. Но это происходило редко.

Вика присела на скамейку, посмотрела в глаза Левченко и сказала:

— Ты спросил, что я с тобой и с собой делаю. А я хочу знать, что ты творишь со мной.

— Мы же объяснились, Вика! Ну не пара мы, пойми. Нет у нас будущего. Зачем ты унижаешься, рвешь себе сердце?

— Если бы ты знал, Миша, как я ненавижу себя за проявленную слабость. Мне стыдно за то, что я здесь, но я не могу ничего поделать с собой. Не могу!

— Возьми себя в руки, Вика. В конце концов, должно же у тебя быть женское достоинство! Почему ты ведешь себя как тряпка? — Левченко говорил девушке жестокие слова, намеренно пытался вызвать у Вики хоть немного злости. — Распустила нюни! Не любят ее, видите ли. А что, разве кто-то обязан это делать? Если ты влюблена, то и другие должны испытывать те же чувства, не так ли? Понимаешь, что ты эгоистка? Ради собственного благополучия, личного счастья ты готова сломать жизнь другому человеку. Нет у меня любви к тебе,

Вика. Нет и не будет. Вместе нам не быть. Ты очень хороший человек, совсем молода, девчонка еще. У тебя вся жизнь впереди. Ты обязательно найдешь человека, который будет тебя на руках носить. И не дави, пожалуйста, на жалость. Это не пройдет, потому что жалость, проявленная сейчас, впоследствии может обернуться трагедией.

Девушка закрыла лицо руками и заплакала.

Левченко тряхнул головой.

— Только этого не хватало! Ты, Вика, езжай домой и не появляйся здесь больше.

— Как же ты жесток! — проговорила девушка.

— Да! — повысил голос Михаил. — Жесток, но с тобой иначе нельзя!

Этот возглас услышал начальник училища, подошедший к КПП.

Он остановил дежурного, бросившегося к нему с докладом, кивнул в сторону автостоянки и спросил:

— Что там происходит, прапорщик?

— К курсанту приехала девушка, товарищ генерал-майор.

— И что? У курсанта есть увольнительная записка?

— Никак нет.

— Так почему вы пропустили его за пределы училища?

— Виноват, товарищ генерал-майор.

— Это не ответ!

— У них там какая-то проблема.

— У вас она тоже будет!.. — Начальник училища прошел мимо прапорщика, спустился к скамейке.

При виде генерала Михаил вскочил и выпалил скороговоркой:

— Курсант первого взвода третьей роты Левченко, товарищ генерал-майор.

Начальник училища увидел заплаканное лицо девушки и спросил:

— Что происходит, курсант?

— Это, товарищ генерал, личное.

— Личное? Негоже будущему офицеру доводить женщину до слез.

— Понимаю.

Поднялась и Вика.

— Товарищ генерал, Миша ни в чем не виноват. Это все я...

— Вот как? — Генерал хмыкнул и пробурчал: — Ну-ну.

— Мне готовиться на гауптвахту? — спросил Левченко.

— А что, очень хочется?

— Никак нет, но...

Начальник училища махнул рукой и поднялся к КПП.

Дежурный вытянулся в струнку и заявил:

— Я сейчас разгоню эту парочку, товарищ генерал. А курсанта пропустил один из моих помощников в мое отсутствие.

— Не трогайте их, пусть поговорят. Вам же, товарищ прапорщик — выговор.

— Есть выговор!

Генерал прошел через КПП и направился к штабу.